

«География» и был произведен в офицеры, награжден Золотым Георгиевским оружием и дослужился до ротмистра.

52. В статье сказано, что председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской (1852–1927) помогал Рериху в его археологических исследованиях в России.

53 Бобринской А.А. Резной камень в России. М., 1916. Вып. 1.

54. Бобринской А.А. «Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего хозяйства и отчасти церковного обихода». М., 1911–1913.

Список опубликованных трудов участников экспедиций
графа А.А. Бобринского

Граф А.А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара). М., 1900.

Граф А.А. Бобринской. Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. М., 1902.

Граф А.А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. 1903.

Богоявленский Н.В. Горцы верховьев Аму-Дарьи, антропологический очерк, X фот. М., 1909.

Зограф Н.Ю. Черепа из Макшевских пещер. М., 1899.

Семенов. А.А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. Кн. 42, № 3.

Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. Т. 47, № 4, VL–VI 6/1 18/4 P1/177.

Семенов А.А. На рубеже Афганистана. В благодатном Хиссаре (Путевые очерки) // Исторический вестник. М., 1900. LXXXVII. С. 961–992.

Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года). Вторая часть // Исторический вестник. М., 1901. LXXXVIII. С. 98–122.

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества. М., 1900.

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Памятники народного творчества и словарь. М., 1901.

Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

Ю. Янхунен

ФИНСКИЕ КОНТАКТЫ ПЕТЕРА ШМИДТА

Жизнь и академическая карьера Петера Шмидта распадаются на два четко обозначенных периода. Первый период был связан с его деятельностью в Российской империи, особенно во Владивостоке, где он, хотя и публиковал свои труды главным образом на русском языке, уже получил международное признание и как китаист, и как маньчжуровед. Поэтому не без основания его дости-

жения этого периода включены в общую историю российского китаеведения¹ и исследований тунгусо-маньчжурских языков². С российской революцией этот период пришел к неожиданному концу, однако более поздние годы жизни П. Шмидта, проведенные в независимой Латвии, привели не только к его полному отделению от дальневосточной научной среды, но и к научной переориентации в область исследований латышского фольклора. В то же время П. Шмидт продолжал работать над трудами по синологии и тунгусо-маньчжуроведению, и, поскольку с этого времени он публиковал свои работы главным образом на немецком и английском языках, результаты его исследований стали еще более широко известными, чем ранее.

Сходная эволюция может быть замечена в биографиях и карьерах многих финских современников Шмидта. В то время когда Финляндия все еще составляла неотъемлемую часть Российской империи, финские ученые имели возможность путешествовать и работать в самых удаленных уголках империи, собирая материал по малоизвестным языкам и культурам, иногда даже при административной и финансовой поддержке. Большая часть их работы была сосредоточена на финно-угорских народах и их языках³, но среди них были также ученые, которые работали в Средней Азии и на Дальнем Востоке⁴. После отделения Финляндии от России доступ к полевым исследованиям был закрыт, и у ученых не было иного выбора, кроме как сосредоточиться на работе с уже собранными материалами. Многие ученые меняли свои научные интересы и обращались к темам, более тесно связанным с Финляндией, а следующее поколение ученых работало в еще более узкой национальной парадигме. Таким образом, хотя немногие понимали или признавали это, потеря космополитических возможностей российской эры в конечном счете имела негативные последствия для азиатских исследований в Финляндии.

Главное различие между Финляндией и Латвией заключалось и продолжает заключаться в том, что финские исследования по Азии были привязаны к школе полевой антропологии и лингвистики, в то время как в Латвии Петер Шмидт оставался более или менее изолированным научным феноменом. Не имея базы для востоковедных исследований в родной стране, П. Шмидт должен был начать академическую карьеру в другом месте — в Российской империи, в то время как его финские современники работали на местной базе в Финляндии, поддерживаемые Императорским Александровским университетом в Хельсинки и также частными научными организациями, например финским Антикварным обществом (основано в 1870 г.) и Финно-угорским обществом (основано в 1883 г.). Не случайно финская школа достигла самого интенсив-

ного периода деятельности в те тридцать лет между 1887 и 1917 годами, когда П. Шмидт также учился и вел преподавательскую работу в России. Это был период, когда экономический прогресс впервые позволил Финляндии систематически вкладывать финансовые средства в научные исследования.

Кто были они, финские коллеги Шмидта? Из архивных материалов нам известно, что Шмидт переписывался с несколькими финскими учеными, включая, по крайней мере, Г. Рамстедта и К. Кроон⁵, а также Кая Доннера. Из переписки между Шмидтом и этими коллегами следует, что он также знал лично и некоторых других финских ученых, особенно Й.Й. Миккола, Урье Вихманна и и Хьюго Лунда. Из каталога библиотеки Шмидта⁶ известно, что он получал значительное количество публикаций своих финских коллег, включая опять же Рамстедта, Кроон и Доннера, а также и Мартти Рясянена и Уно Хольмберг-Харва. Конечно, П. Шмидт имел экземпляры тунгусской и бурятской грамматики М.А. Кастрена. Финские серийные монографии и периодика в его библиотеке включают такие издания, как *Finnisch-Ugrische Forschungen*, *Folklore Fellows Communications*, *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, и *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*.

Многие финские коллеги П. Шмидта были активными членами Финно-угорского общества, поэтому не удивительно, что Шмидт был избран членом-корреспондентом общества в 1921 г., в возрасте 53 лет. В ретроспективе интересно отметить, что это случилось в том же самом году, когда другой латвийский лингвист, Янис Эндзелинс, также был избран членом-корреспондентом этого общества. В это время они оба были известными учеными с международной репутацией, и их избрание, вероятно, было действием в поддержку зарождающихся финско-балтийским отношений. Можно вспомнить, что это было время, когда некоторые круги в только что получившей независимость Финляндии стремились заменять российские, скандинавские и немецкие связи новой системой Балтийского сотрудничества. К сожалению, эта тенденция не развилась, и еще одним латвийским членом-корреспондентом Финно-угорского общества в довоенный период стал, кажется, только Фрэнсис Балодис, избранный в 1931 г.

В любом случае, членство Шмидта и Эндзелина в Финно-угорском обществе было предложено Й.Й. Миккола (1866–1946) и Хейкки Оянсуу (1873–1923), оба они работали в области баллистики, первый главным образом в сфере балто-славистики, второй — в области балтийско-финских проблем. Оригинальный текст предложения, как он сохранен в архивах Финно-угорского общества, сформулирован следующим образом:

*Suomalais-ugrilaiselle Seuralle,
Suomalais-ugrilaisen Seuran ulkomaisiksi jäseniksi pyydämme
saada ehdottaa Riian yliopiston professoreita J. Endzelin ja P. Schmidt.
Edellisellä on kielentutkijana vakaantunut maine. Hänen erinomaiset
teoksensa lätinkielen alalta ovat parasta, mitä tästä kielestä on
kirjoitettu, lukuunottaen myöskin Bielensteinin ja Bezzenbergerin
tutkimukset. Niissä hän [on] alituisesti kääntänyt huomionsa myöskin
liviinkielen vaikutukseen, ja likeltä suomalaista tutkimusta koskee
hänen aikakauskirjassa «Finnisch-ugrische Forschungen» [vol. 12,
1912] julkaisema kirjoituksensa kuurilaisten kansallisuudesta.
P. Schmidt, joka on liikkunut myöskin kiinan kielen alalla ja sieltä
julkaisut huomattavia tutkimuksia, on ansiokkaassa teoksessaan
lättläisten mytologias[t]a ollut kosketuksissa myöskin suomalaisen
mytologian kanssa.*

Helsingissä marrask. 18 p. 1921

J.J. Mikkola, Heikki Ojansuu

[Перевод:] К Финно-угорскому обществу. В качестве новых членов-корреспондентов Финно-угорского общества мы предлагаем профессоров Я. Эндзелина и П. Шмидта из Рижского Университета. Первый имеет сложившуюся репутацию как лингвист. Его превосходные работы по латышскому языку превосходят все, что было написано на этом языке, включая исследования Биленштейна и Беценбергера. В своих работах он постоянно обращал внимание на изучение влияния ливского языка на балтийские языки, и его статья по поводу куршского народа [«О народности и языке куршей»] в журнале «Finnisch-ugrische Forschungen» [выпуск 12, 1912] также тесно связана с финскими исследованиями. П. Шмидт, который также изучал китайский язык и издал значительную часть своих исследований, также имеет ценные работы по латышской мифологии и также касался вопросов финской мифологии. [Датировано:] Хельсинки, 18 ноября 1921. [Подписано:] Й.Й. Миккола, Хейкки Оянсуу].

И Эндзелинс, и Шмидт выразили благодарность Обществу за их избрание. Письмо П. Шмидта имеет следующее содержание:

*Sehr geehrter Herr President,
Ihren geehrten Brief mit einem Diplome der Finno-ugrischen
Gesellschaft habe ich erhalten, und spreche hiermit Ihnen und der
Gesellschaft meinen herzlichsten Dank aus. So viel es in meinen Kräften
steht, werde ich mich bemühen dieser Ehre würdig zu sein.*

Hochachtungsvoll

Prof. Peter Schmidt.

Riga den 18. Januar 1922.

По своей специализации финские ученые, с которыми Шмидт был в регулярном контакте, могут быть разделены на три категории: алтаисты, балто-слависты и фольклористы. Контакты с финскими алтаистами были самыми систематическими и длительными, они продолжались в течение карьеры Шмидта и в царской России, и в независимой Латвии. Контакты с балто-славистами и фольклористами стали более интенсивными только после возвращения Шмидта в Латвию. Однако все еще с алтаистической темой («*Altaische Zahlwörter*») Шмидт участвовал в юбилейном томе (*Liber semisaecularis*) к 50-летию Финно-угорского общества (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 67, 1933).

Особым и наиболее важным финским корреспондентом Шмидта был, без сомнения, Г. Рамстедт, с которым Шмидт поддерживал отношения по переписке с начала 1900-х годов до смерти. Шмидт получал экземпляры по крайней мере самых важных работ Рамстедта, включая его диссертацию о спряжении в халха-монгольском языке (1902) и Калмыцкий словарь (1935). Г. Рамстедт (1873–1950), широко известный как основатель современного алтайского языковедения⁷, занимал в науке во многих отношениях то же место, что и Шмидт. Эти два ученых фактически дополняли друг друга в том, что Шмидт главным образом занимался маньчжурским и китайским языками, в то время как Рамстедт работал больше с монгольским и корейским. Оба они были, однако, исключительно разносторонними учеными с мультидисциплинарной ориентацией. Крах царской России стал причиной главного поворота и в карьере Рамстедта, но, в отличие от П. Шмидта, он оказался в состоянии продолжить свою работу на Дальнем Востоке как дипломат в составе миссии в Японию, работавшей в течение десяти лет (1919–1929).

После прекращенной карьеры и преждевременной смерти Хуго Лунда (1872–1915) в Финляндии не было ни одного китаиста, с которым имел бы возможность переписываться Шмидт. Со стороны синологов главным корреспондентом Шмидта в Северной Европе был, кажется, Бернхард Карлгрен, с ним он регулярно обменивался письмами. Однако по крайней мере один человек с синологическими интересами в Финляндии в это время был — это Кай Доннер (1888–1935), отец которого, Отто Доннер (1835–1909), был основателем Финно-угорского общества. После ранней и не очень успешной карьеры в самоедологии и сравнительных исследованиях в области уралоистики Кай Доннер работал по большей части в области этнической истории Северной и Центральной Азии. В главной своей работе, названной по-шведски *Sibirien: Folk och forntid* (1933, также издана на финском и французском языках) он оперирует данными из китайских исторических источников. К сожалению, письма от Шмидта Доннеру не сохранились.

В целом Финляндия обеспечила Петеру Шмидту значительное зарубежное признание в течение различных периодов его жизни. В царское время финские коллеги Шмидта были, в конечном счете, частью того же самого российского востоковедного пространства, к которому принадлежал и он, хотя связи Шмидта с российским миром науки были более тесными. После отделения Финляндии и Латвии от России Шмидт увеличил свои контакты с финскими учеными. Нет сомнения, что он был широко оценен в Финляндии и как ориенталист, и как специалист по латышскому фольклору. Естественно, Финляндия никогда не могла конкурировать в объеме академической продукции с такими гигантами, как Россия и Германия, но среди меньших европейских стран она имела наибольшее число коллег, работающих с темами, которые были близки Петеру Шмидту. Возможно, этот факт как бы обязывает финские и латвийские научные сообщества к тому, чтобы снова увеличивать формы сотрудничества, особенно в области азиатских исследований. Также хорошо бы помнить, что без прежних связей с Российской империей ни Финляндия, ни Латвия вообще не имели бы никакой сколько-нибудь значимой академической традиции в азиатских исследованиях.

Перевод с англ. А.А. Бурькина

***

1. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 253–255.
2. Горцевская В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959. С. 20–21; Решетов А.М. Петр Петрович Шмидт как тунгусо-маньчжуровед // *Tunguso-Sibirica* 20. 2006. P. 219–224. Tumen jalafun jecen akы. Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary. Edited by Alessandra Pozzi & Juha Antero Janhunen & Michael Weiers. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
3. Korhonen M. Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918. The History of Learning and Science in Finland 11. Helsinki, 1986.
4. Aalto P. Oriental Studies in Finland 1828–1918. The History of Learning and Science in Finland 10b. Helsinki, 1971.
5. Halén H. Letters of Peter Schmidt to Finnish Scholars. 2000. [Unpublished manuscript.]
6. Staburova J., Konstantins J. Petera Šmita gramatas Latvijas Universitates Bibliotekas fonda. Riga, 1998.
7. Halén H. Biliktu Bakshi: The Knowledgeable Teacher. G. J. Ramstedt's Career as a Scholar. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 229. Helsinki, 1998.